Александр Георгиевич ЕМАНОВ —
зав. кафедрой археологии,
истории древнего мира и средних веков,
доктор исторических наук, профессор
a_emanov@mail.ru

Светлана Анатольевна ДОМАШОВА —
аспирант кафедры археологии,
истории древнего мира и средних веков
domashova_sa@mail.ru

Институт истории и политических наук
Тюменский государственный университет

УДК 94: 27–789.4

АНАЛИЗ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА МАТЕРИАЛЕ «ИСПОВЕДИ» АВРЕЛИЯ АВГУСТИНА

FORMATION AND DEVELOPMENT ANALYSIS OF RELIGIOUS IDENTITY ON THE MATERIAL OF AVRELIUS AUGUSTINUS' «CONFESSION»

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена исследованию процесса формирования и изменения религиозной идентичности индивида. В основе работы лежит анализ «Исповеди» Блаженного Августина — источника, повествующего о духовном поиске человека.

SUMMARY. This article is devoted to the problem of religious identity formation and change. This research is based on the analysis of «Confession» by Aurelius Augustinus — the source of information, describing individual's spiritual search.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. «Исповедь», Блаженный Августин, Аврелий Августин, религиозная идентичность, ересь, религиозный авторитет, вера, самоидентификация.

KEY WORDS. «Confession», Aurelius Augustinus, Beatified Augustinus, religious identity, heterodoxy, religious authority, faith, self-identification.

Данная статья посвящена рассмотрению «Исповеди» Августина в контексте формирования и изменения религиозной идентичности. В современных исследовательских дискурсах возрастающую актуальность приобретает концепт религиозной идентичности. Традиционное понятие «вероисповедание» не охватывает все аспекты религиозной принадлежности. Современное поликонфессиональное мировое сообщество в условиях глобализации нуждается в изучении механизмов развития и существования религиозной идентичности для разработки способов нормализации межрелигиозных отношений и развития толерантности.

Прежде всего, хотелось бы рассмотреть само понятие «религиозная идентичность». Индивидуальная религиозная идентичность определяется как «субъективная причастность к группе, которая имеет следующую структуру: «индивид (субъект) — принадлежность — группа», или, иначе говоря, как субъективное переживание индивидом своей принадлежности к религиозному сообществу. Такое переживание может базироваться на разных основаниях: на религиозной вере, на символических культовых практиках, на принадлежности к группе, формально не религиозного характера, но из принадлежности к которой следует вторичная принад-

лежность к религиозному сообществу; на идеологических убеждениях, на традициях, ценностях и т. д.» [1; 1]. Согласно другому определению, это «коллективное чувство принадлежности к религиозной общности как высшая форма лояльности, на основе веры в общих богов, религиозные идеи, культ предков» [2; 33].

Религиозная идентичность является психологическим конструктом и не связана с конкретной конфессией. Она, по сути, является социально-психологической категорией принадлежности религиозному сообществу. «Категория принадлежности, таким образом, позволяет исследователю религиозной идентичности абстрагироваться от содержания религиозной веры, да и от самой веры, которая в контексте принадлежности становится только одним из оснований номинации субъекта в религиозном поле» [1; 1]. С этой точки зрения наиболее интересно рассматривать изменяющуюся религиозную идентичность.

Основной проблемой при исследовании идентичности, особенно в исторической ретроспективе, является неполное отражение психологических состояний и переживаний индивида в источнике. Религиозная идентичность (даже в случае, когда она существует номинально) относится к сфере «сакрального» и является частью «закрытого» сектора личностной психологии. Поэтому «Исповедь» Блаженного Августина, в которой автор откровенно и подробно излагает этапы пройденного им духовного пути, представляет собой ценнейший источник. Автор подробно отвечает не только на вопрос «Кто я?», но и на вопрос «Почему я таков?».

В нашем исследовании необходимо акцентировать внимание на различиях между религиозной идентичностью и религиозной аутентичностью. Белорусская исследовательница Н. Василевич определяет религиозную аутентичность как экзистенциональный опыт веры, позволяющий раскрыть проблематику тождественности субъекта и свойственных ему характеристик в религиозном аспекте. «Напротив, проблематика религиозной идентичности фиксирует тождественность субъекта в смысле субъективного осознания своей принадлежности к тому или иному религиозному сообществу, принадлежности внешней, социальной и коммуникативной» [1; 1].

Оба эти вопроса в равной степени отражены Августином в «Исповеди».

Автор делает акценты не только на раскрытии собственного Я, но и подробно анализирует себя в соотношении с окружающими. Фактор сопереживания — один из ключевых в душевном развитии Августина.

Рассмотрим структуру идентичности. Обычно в ней выделяют два основных компонента — когнитивный (знания, представления об особенностях собственной группы и осознание себя ее членом на основе дифференцирующих признаков) и аффективный (чувство принадлежности к группе, оценка ее качеств, отношение к членству в ней).

Большинство исследователей признают, что наиболее важными составляющими когнитивного компонента любой социальной идентичности являются осведомленность и самоназвание. В нашем случае — религиозная осведомленность, включающая знания о религиозных группах — своей и чужих, их истории, обычаях, особенностях религиозной культуры. Разумеется, речь идет прежде всего о группах, с которыми данное сообщество так или иначе контактирует. Самоназвание же религиозной группы является по сути маркером групповой принадлежности.

На основе знаний о своей и чужой религиозных группах формируется комплекс представлений, образующих систему дифференцирующих признаков. В качестве подобных признаков могут выступать ценности и нормы, историческая память, мифология.

Роль когнитивного компонента религиозной идентичности велика именно на этапе ее формирования. Всякое новое поколение получает от предыдущего нормы и ценности, свойственные его социокультурной среде, в том числе религиозные. Религиозная картина мира, которую преподносят ребенку в процессе познания окружающей действительности, является для него единственно возможной. В большинстве случаев в условиях нормального функционирования общества каждый взрослый индивид, становясь полноценным членом общества, оказывается приписанным к какой-либо религиозной группе и четко идентифицирует себя с ней [3; 206–207].

Августин указывает на свою принадлежность к христианской общине с младенческого возраста [4; 22]. Но вместе с тем он воспитывался в культурном поле, отличном от христианского, и с самого детства был знаком с другой религиозной системой. Правда, система эта была нестабильна и размыта. В период принципата пантеон регулярно пополнялся. Язычество римлян легко впитывало самые разные религиозные традиции, что позволяло сохранять определенную духовную свободу. Были широко распространены культы Кибелы и Исиды, а также митраизм, соперничавший по популярности с христианством [5; 395–396.].

Вместе с тем традиционный римский политеизм, с которым были тесно связаны классическая литература и право, был неотъемлемой частью образования знатной молодежи. К концу IV в. религия стала ритуальным аспектом поведения цивилизованного человека [6; 25]. Необходимость номинальной принадлежности к язычеству в период империи привела к массовым духовным поискам внутри общества. Расширяющийся политический и культурный кризис только усугубил ситуацию. Таким образом, мы приходим к выводу: религия, которой номинально придерживался отец Августина, не могла существенно повлиять на развитие его религиозной идентичности. Сам автор указывает на этот факт в главах XIII и XIV книги первой «Исповеди» [4; 25–30].

Далее обратимся к рассмотрению аффективного компонента идентичности, особенно важного в случае с религиозной идентичностью. Он несет в себе любые эмоциональные проявления в пределах парадигмы «Мы — Они». Сфера религии– духовное, которое зачастую противопоставляется рациональному. Религиозное восприятие мира в большей степени проявляет себя не как знание, а как чувствование. Оно также отражает отношение к собственному вероисповеданию; иначе говоря, его сущность составляет «мировоззренческое и эмоционально-ценностное принятие основных принципов и положений какой-то конкретной религиозной системы» [1; 1]. Таким образом, аффективный компонент идентичности является связующим звеном идентичности и аутентичности.

Итак, в детские годы Августин позиционировал себя как христианин. Более того, он чувствовал себя христианином, что вполне обычно для этого возраста [4; 22].

Осознание того, что он имеет «свободу активного выбора» идентифицировать ли себя с группой, членом которой его воспринимают другие, приходит к человеку, как правило, лишь в подростковом возрасте [3; 207].

Аффективный компонент проявляет себя в чувствах превосходства и исключительности собственной группы, настроениях, а также стереотипах, установках и казуальной атрибуции [2; 39], что выражается в психологических аттитюдах. Положительные религиозные аттитюды включают удовлетворенность принадлежностью к своей религиозной группе, желание принадлежать ей. Наличие негативных аттитюдов к своей религиозной общности включает отрицание собственной иден-

тичности, предпочтение других групп в качестве референтных. Наличие негативных религиозных аттитюдов приводит чаще всего к кризису идентичности и как следствие — смене вероисповедания [3; 200].

Положительная религиозная идентичность базируется на чувстве веры. П. Тиллих определял веру следующим образом: «Вера — это целостный и центрированный акт личного Я, акт безусловного, бесконечного и предельного интереса» [7; 138]. Именно вера является основным связующим звеном между религиозной идентичностью и религиозной аутентичностью. Вера не требует доказательств, она не допускает недоверия религиозному авторитету, и поэтому становится прочным фундаментом для идентичности. Сомнения, возникающие время от времени, религиозный человек, как правило, рассматривает как искушение и стремится преодолеть их. В «Исповеди» присутствуют многочисленные обращения к Богу. Семантика этих текстов наполнена выражением абсолютного доверия автора Господу и уверенности в его непогрешимости: «И все же, Господи, совершеннейший и благой Создатель и Правитель Вселенной…»; «Исповедуюсь тебе, Господи, мой Помощник и Искупитель,..» [4; 39, 262].

Сомневающийся индивид не является верующим (даже если он воцерковлен); таким образом, его религиозная идентичность попадает в состояние кризиса, связанное с потерей основополагающего аффективного сегмента в ее структуре.

Согласно теории известного исследователя Э. Эриксона, кризис идентичности происходит во время резкого нарушения постепенно-поступательного процесса социальной адаптации, вызванного внешними или внутренними причинами. Итогом кризиса, как правило, является следующий этап формирования идентичности или социализации, сам кризис выступает в данном случае как стимул [8; 278]. Блаженный Августин подробно описывает свой первый кризис идентичности, который пришелся на отроческие годы, переход подростка в среду, отличную от семейной. В случае с нашим героем эта среда была принципиально иной, он начал получать образование, типичное для знатного римского юноши. Оно предполагало тесную связь с традициями и устоями дохристианского Рима, которые тогда были еще сильны в обществе.

Автор раскрывает постепенный характер отрыва от привычной картины мира. «Я уходил все дальше от Тебя, и Ты дозволял это, я метался, растрачивал себя, разбрасывался, кипел…и Ты молчал тогда, и я уходил все дальше и дальше от Тебя, в гордости падения и беспокойной усталости выращивая богатый посев бесплодных печалей» [4; 42]. В этом отрывке хорошо отражено формирование негативных аттитюдов в структуре религиозной аутентичности. Впоследствии изменение в самоопределении Я приводит к изменению самоопределения себя в обществе. В этом случае прежние когнитивные основания религиозной идентичности перестают быть значимыми, что приводит к отрицанию своей религиозной принадлежности, то есть формированию негативной религиозной идентичности. «…Ты молчал…, Кому как не Тебе, принадлежали слова, которые через мать мою, верную служанку Твою, твердил Ты мне в уши? Ни одно из них не дошло до сердца моего, ни одного из них я не послушался» [4; 46]. Негативная религиозная идентичность может существовать в течение довольно длительного времени. Более того, она может стать психологической доминантой в условиях устойчивой позиции религиозного скептицизма, вызванной внешними или внутренними причинами, либо модифицироваться в атеизм.

Один из наиболее важных аспектов кризиса идентичности — его независимость от степени социализации. Таким образом, помимо естественных возрастных кризисов, могут возникать и непредвиденные. Они обычно вызваны психологическим сломом в структуре личности полностью социализированного индивида. Особенно часто подобное явление можно наблюдать в период социального или мировоззренческого кризиса. В юности Аврелий Августин оказался в условиях соперничества двух мировоззренческих парадигм, что укрепило в нем позицию сомнения [4; 41–43, 62–71]. Неудовлетворенность предложенным выбором приводит к поиску новых референтных групп. Для Августина такой группой стали последователи учения Мани.

Обретение новых религиозных идей не приводит к мгновенному формированию сопринадлежности в среде единоверцев. Для формирования структур новой идентичности необходим достаточный временной промежуток и определенные условия.

Августин в своем упорном поиске истины оказался в среде манихеев. Мистицизм этого дуалистического вероучения привлекал его обещанием открытия сокровенной мудрости. Однако, как и всякий новообращенный, он должен был проникнуться верой и просветлиться, прежде чем получить доступ к нему. «О Истина, Истина! Из самой глубины души своей уже тогда я вздыхал по Тебе, и они постоянно звонили мне о Тебе на разные лады,.. » [4; 72].

Путь постижения учения манихеев, описанный Аврелием, позволяет нам рассмотреть процесс формирования измененной религиозной идентичности [4; 71–76, 85–88, 90–126].

Изначально на первое место выходит аффективный компонент идентичности. Когнитивный компонент при этом может быть как достаточно полным (представления о чужой религии, находящейся в контакте с прежней конфессией), либо ничтожным. В обоих случаях познания о новой религиозной системе будут углубляться и переоцениваться.

На этом первоначальном этапе чувство веры растет с большой скоростью, пока не достигает своего пика «…поспешно и потихоньку меня довели до абсурдной веры…» [4; 85]. Эпитет, используемый автором, описывает состояние абсолютного доверия вероучителю вопреки доводам разума. Таким образом, мы можем отметить, что образуются гиперпозитивные настроения и установки.

Однако постепенно усиливается влияние когнитивного компонента идентичности. Это закономерный процесс, основанный на необходимости усвоения дифференцирующих признаков, позволяющих определить собственную принадлежность. Таким образом, идентичность восстанавливается как структура в системе ценностей и психологическая категория.

Как только сформированная идентичность стабилизируется, она начинает нормально функционировать, переживая развитие, спады, кризисы. Вновь образованная идентичность, в свою очередь, не застрахована от возникновения сомнений и негативных аттитюдов, на что указывает все тот же Аврелий Августин [4; 157–161, 167–172]. В конечном итоге и она может быть изменена, в том числе и в сторону принятия прежней идентичности: «С этого времени, однако, я стал предпочитать православное учение…» [4; 173].

Здесь автор раскрывает роль авторитета учителя в формировании и развитии идентичности. Он пишет о том, как проповеди Амвросия Медиоланского убедили его вернуться к «вере Христовой». Действительно, история развития ересей и сект

позволяет проследить закономерность подобного влияния на людей с неустойчивой или негативной идентичностью. Зачастую фигура проповедника играет центральную роль даже в религиозном мировоззрении верующего человека. Примером этому может служить христианство. Церковь была неоднородна. До первого Вселенского собора в Никее (325) существовали разрозненные общины (исключая еретические секты) со своими лидерами, которые по-разному толковали Писание. Сам Аврелий Августин, столь почитавший авторитет Амвросия, создал собственное учение, которое стало одним из самых авторитетных в католической традиции.

Итак, подведем итоги нашего анализа. Обозначим главные факторы, влияющие на формирование религиозной идентичности:

1. Религиозная среда индивида.
2. Наличие чувства глубокой веры.
3. Авторитет религиозного учителя.

Факторы, определяющие деструктивные процессы в структуре религиозной идентичности:

1. Утеря чувства веры.
2. Наличие сомнения в истинности религиозных идей общности, к которой принадлежит индивид.
3. Появление группы с более привлекательными религиозными воззрениями.

И, наконец, основные этапы развития религиозной идентичности:

1. Существование в рамках заданной (семейными, этническими связями) религиозной группы.
2. Осознанное существование внутри группы приписывания в подростковом возрасте.
3. Кризис: преодоленный или приводящий к разрушению идентичности.
4. Сохранение прежней или обретение новой идентичности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Василевич Н. Социальный аспект религиозной идентичности // http: //churchby.info/rus/59/.

2. Хотинец В.Ю. Этническая идентичность и толерантность. Екатеринбург, 2002.

3. Стефаненко Т.Г. Социальная и этническая идентичность // Идентичность. Хрестоматия. М.; Воронеж, 2003.

4. Августин Аврелий. Исповедь. М., 2007

5. Бансон М. Римская империя: Энциклопедия. М., 2001.

6. Уоллес-Хедрилл Дж.М. Варварский запад. Раннее средневековье. 400–1000 гг. СПб., 2002.

7. Тиллих П. Динамика веры // Избранное. СПб., 1998.

8. Струкова Т.Г. Проблема тождества и различия в аспекте национальной идентичности // Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности. Воронеж, 2002.